

УДК 008+7.0

**«СРЕДИННАЯ КУЛЬТУРА»:
ДИАЛОГ БИНАРНОГО И ТРИНИТАРНОГО МЫШЛЕНИЯ**

Ю.Г. Низматуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье проблемы «срединной культуры» рассматриваются в контексте современных философских и общенаучных исследований логики развития культуры в аспекте взаимодействия бинарного и тринитарного мышления. История развития литературы и искусства являет, с одной стороны, бесконечное разнообразие форм взаимосвязей между бинарными и тринитарными системами, с другой – их относительное обособление и противостояние в отдельные периоды. Для функционирования «срединной культуры» наиболее продуктивным представляется диалог-взаимопроникновение, в котором одна из систем, бинарная или тринитарная, выполняет доминирующую роль, а другая находится в потенциальном состоянии, но способна актуализироваться в ином историко-литературном контексте. Для подтверждения тезиса приводятся примеры из области художественной литературы (ода Н.А. Львова «Музыка, или Семитония», стихотворение Ф.И. Тютчева «День и ночь», роман И.С. Тургенева «Отцы и дети») и изобразительного искусства (картина современного татарского художника Л. Ахметова «Удмуртский лес»).

Ключевые слова: «срединная культура», бинарные и тринитарные системы, дихотомия, дипластика, системная триада

В конце XX – начале XXI в. в разных областях науки, особенно в философских и культурологических исследованиях, наблюдается возрастание интереса к проблеме взаимодействия бинарного и тринитарного мышления. Это объясняется рядом причин, одна из которых – может быть, главная – осознание катастрофичности раскола, противостояния народов и государств в эпоху глобализации. Тревога за судьбу человечества, цивилизации и культуры в процессе научного осмысления зачастую ассоциируется с представлением о бинарной оппозиции (объединении двух противоположных элементов) в её жёстком дихотомическом варианте (*да – нет, или – или*). Тринитарная система (связь трёх взаимодействующих элементов) воспринимается как более жизнеспособная парадигма: «Триада же больше сопоставляет, соединяет, сращивает, чем противопоставляет, расщепляет, отгалкивает» [1, с. 25]. Такая концепция предполагает наличие третьего, примиряющего (интегрирующего) элемента в триаде [2], поэтому она может стать базой для продуктивного поиска «срединного пути»,

способного привести к разрешению противоречий в социокультурной жизни мирового сообщества.

В 90-е годы XX в., в период распада СССР, появляется ряд работ российских учёных, в разных аспектах исследующих проблему бинарности и тринитарности. В статьях, опубликованных в журнале «Вопросы философии», Б.В. Раушенбах пишет о логике триединности, выраженной в христианском догмате о Святой Троице; эта логика, по его мнению, изоморфна математической модели логической троичности, поэтому может быть использована как ключ к рассмотрению тринитарных систем в разных сферах [3]. Ю.М. Лотман в книге «Культура и взрыв» [4] характеризует роль и поведение бинарных и тринитарных систем во «взрывные моменты» культурно-исторического развития, а в совместных с Б.А. Успенским статьях (см., например, [5]) описывает специфическую роль дуальных (бинарных) моделей в русской культуре XVIII в.

В 2002 г. была переиздана книга Н.А. Бердяева «Смысл творчества» [6], написанная в 1914 г. В ней впервые введён термин «срединная культура», широко используемый современными исследователями. В те же годы выходят в свет труды культурологов Б.С. Ерасова [7], А.П. Давыдова [8] и др., в которых рассматриваются разные аспекты изучения «срединной культуры». Под этим понятием подразумевается центральная, динамичная зона культуры, в которой происходят процессы, способствующие достижению единства и стабильности духовной жизни общества [7, с. 138, 144]. «Срединность» в культуре, то есть смысловая сфера между противоположными полюсами бинарной оппозиции, достигается путём преодоления крайностей противостоящих ценностных представлений в общественном сознании, «рождения третьего, альтернативного смысла» [8, с. 4]. В этих исследованиях приводятся и конкретные примеры интеграции (а в ряде случаев – несостоявшейся интеграции) противоположных ценностных установок в единую культурную парадигму в сфере художественного творчества, публицистики, философии.

Проблема взаимосвязи бинарных и тринитарных структур интересует не только культурологов, но и учёных в разных областях науки (см. библиографию, например, в работе Р.Г. Баранцева [1]). Усиливается стремление к философскому осмыслению данной проблемы, желание понять и объяснить в философском плане новые открытия современной науки, существенно меняющие наши представления о сложности и многообразии как макро-, так и микромира. «Парадоксы космоса и парадоксы атома переплетены и питают друг друга», – утверждает Б.Г. Кузнецов [9, с. 23]. Поэтому старания учёных направлены на создание единой теории, которая могла бы объяснить и необратимое усложнение мира, и «унисон диссонансов» [9, с. 23].

Субстанциальный и процессуальный аспекты взаимодействия бинарных и тринитарных систем

На основе диалога бинарных и тринитарных структур, существующего в физике и философских концепциях, Ю.С. Владимиров предлагает создать единую картину мира, понятую через «единую теорию взаимодействий» [10, с. 11]. В истории науки, напоминает он, наблюдаются два основных подхода к исследованию

дованию мироздания: холизм и редукционизм¹. Однако, по мнению Ю.С. Владимирова, «чрезвычайно важным фактором метафизического характера является выделенность как в редукционистском, так и в холистическом подходах двоичности и троичности» [10, с. 24]. Принцип холизма характерен в основном для восточной цивилизации, редукционистский подход стал «доминирующим в миропонимании западной цивилизации» [10, с. 30]. Поэтому изучение взаимодействия бинарных и тринитарных систем шло различными путями.

В восточных учениях утверждается **процессуальный** характер диалога бинарных и тринитарных парадигм. Это – диалог как момент развития, движения, перемен, всеобщего взаимодействия противоположных силовых полей в едином космическом организме. В древнекитайских сочинениях («Книга перемен»², «Книга о Дао и Дэ»³ и др.) учение о двоичности (о двух противоположностях: инь и ян⁴) комбинируется с идеей троичности (о триграммах как **разных этапах процесса трансформации** инь и ян). И главное, в «Книге перемен» определено понятие середины (чжун) между двумя противоположностями и введено третье начало в системе миропонимания [10, с. 28].

В учениях западноевропейских философов бинарные и тринитарные системы рассматриваются главным образом в **субстанциальном** плане, акцент делается на исследование структуры тринитарной системы как системы, состоящей из трёх начал: материального, идеального, духовного (Аристотелево триединство, христианская Троица и др.) [10, с. 490].

Оба подхода, «процессуальный» и «субстанциальный», находят применение в современных исследованиях проблемы взаимодействия бинарности и тринитарности.

Тенденция к их объединению заметна в книге Р.Г. Баранцева «Становление тринитарного мышления» [1]. Опираясь на методологию синергетики, привлекая данные естествознания и обществознания, учёный доказывает необходимость разработки новой научной парадигмы, базирующейся на «архетипе триединства» (имеется в виду логика Святой Троицы), идее тринитарности, «корни которой уходят далеко вглубь тысячелетий» (см. аннотацию книги [1]). Автор даёт чёткую классификацию основных типов триад, их свойств и функций, выявляет наиболее «продуктивные» (в плане функции примирения противоречий) тринитарные системы, подчёркивая в них те свойства, которые обнаруживаются в процессе развития.

¹ «Холизм основан на таком понимании мира, когда целое доминирует, предшествует своим частям. Холизму противостоит редукционизм, в котором единое расщепляется на части, понимаемые более первичными, предшествующими целому. Оба эти подхода имели важное значение и дополняли друг друга в процессе познания мироздания» [10, с. 23].

² «Книга перемен» («И цзин», также «Чжоу и» по названию династии Чжоу (XI – III вв. до н. э.)) – один из древнейших памятников китайской культуры. Наиболее ранний слой, традиционно датированный около 700 г. до н. э., предназначался для гадания. Во II в. до н. э. «Книга перемен» стала одним из канонов конфуцианского Пятикнижия (<http://philosophy.slovaria.ru/fe/i-tszin>).

³ «Книга о Дао и Дэ» («Дао дэ цзин», также «Лао-цзы») – основополагающий трактат философии даосизма. Согласно традиции автор этого произведения – полубогатый мыслитель Лао-цзы, будто бы живший в VI в. до н. э., ранее Конфуция, и почитаемый как основатель даосизма. Учёные предполагают, что трактат был составлен в IV – III вв. до н. э. последователями Лао-цзы (<http://philosophy.slovaria.ru/fe/dao-de-tszin>).

⁴ Инь и ян – категории китайской философии, выражающие идею универсального дуализма мира: инь представляет женское начало, тёмное, пассивное, вещественное; ян – мужское начало, светлое, активное, духовное (<http://philosophy.slovaria.ru/fe/yan-i-in>).

В зависимости от вида связи элементов Р.Г. Баранцев различает три вида триад:

- **линейные** – все элементы находятся на одной оси в семантическом пространстве, например: *1–10–100* или *левые – центр – правые*;
- **переходные** – один элемент, поднятый на более высокий уровень, олицетворяет выход к синтезу, классическим образцом является гегелевская формула: *тезис – антитезис → синтез*;
- **системные** – три равноправных элемента располагаются на одном уровне общности, отсюда такой геометрический образ, как равносторонний горизонтальный треугольник [1, с. 11].

Характеризуя каждую разновидность, Р.Г. Баранцев отмечает ограниченность возможностей линейной триады; к недостаткам переходной триады (в гегелевском варианте) относит то, что она «не раскрывает движущей структуры действий, не говорит ничего о механизме снятия противоречий» [1, с. 12]; наиболее продуктивной считает системную триаду. Определение её свойств, выполненное автором, может стать ориентиром при рассмотрении функций «срединной культуры».

«Системная триада, – полагает учёный, – объединяет три равноправных элемента, каждый из которых может участвовать в разрешении противоречий между двумя другими как мера компромисса, как третейский судья, как фактор их сосуществования в целостной системе. Здесь для каждой бинарной оппозиции третий элемент находится не между противниками, а смотрит со стороны и, находясь на том же уровне сложности, должен быть способен к разрешению конфликта. Системная триада, таким образом, является простейшей структурной ячейкой синтеза» [1, с. 13].

Принцип взаимодействия элементов в системной триаде автор сокращённо называет НДС (неопределённость – дополнительность – совместность): «...В системной триаде каждая пара элементов находится в соотношении дополнительности, а третий задаёт меру совместности» [1, с. 21]. Предстоит выяснить, как действует этот принцип в сфере художественного творчества, в «срединной культуре».

Выделенные Р.Г. Баранцевым переходные и системные типы триад представляют, на наш взгляд, два варианта взаимодействия бинарного и тринитарного мышления: первый – на основе снятия противоречий (Гегель), второй – на основе их удержания (Нисида Китаро) в триаде (см. об этом [2]).

Метод исследования тринитарности в субстанциальном аспекте (по примеру логики Святой Троицы) используется и в информатике как основа для построения «постнеклассической информационной модели мира» (инфомира) [11]. В.С. Меськов, автор данной концепции, также выделяет три типа тринитарных структур, доминирующие, по его мнению, на том или ином этапе исторического развития науки:

- **тернарные** – без какой-либо зависимости между элементами отношений;
- **троичные** – два зависимых элемента в системе;
- **тринитарные** – базовые элементы «нераздельны (один объект не является без других двух), неслиянны (различимы) и специфичны (их роли чётко специфицированы)» [11, с. 76].

Примером тринитарной системы, по представлению автора, может служить модель инфомира с тремя базовыми инфообъектами, такими как Субъект, Среда, Информация, составляющими структуру модели.

Приведённые примеры (их можно было бы продолжить) свидетельствуют о сложности и многоаспектности изучаемой проблемы, о разнообразии конкретных задач и методологических подходов к её решению.

Динамика отношений в бинарных оппозициях

Представление о продуктивности тринитарного мышления не означает отрицания роли бинарных систем и в научно-технической, и в социокультурной областях.

Как известно, в философских учениях Запада и Востока противоречие, заключённое в бинарной системе, рассматривается как источник развития. Сам принцип бинаризма – парного взаимодействия противоположных элементов – базируется на разного типа связях между элементами. Это может быть более жёсткий вариант логико-семантической или логико-аксиологической оппозиции, основанный на **дихотомии** (*да – нет, или – или*): *субъект – объект, друг – враг, Запад – Восток* и др. В художественной литературе такой вариант чаще всего встречается в сформировавшихся литературных направлениях с чётко выраженной программой (например, в классицизме, романтизме) и объясняется тем, что «в рамках бинаризма отношения противоположностей, возникших в результате дихотомического разделения, приобретают статус организующего центра, обеспечивающего упорядоченность и устойчивость структуры» [12, с. 81]. Однако в подобного рода бинарных структурах один из элементов оппозиции «претендует на привилегированное положение» [12, с. 79]. В этом, может быть, кроется одна из причин критического, неприязненного отношения к бинаризму представителей постструктурализма (а также, очевидно, и сторонников тринитарного мышления). Теоретики постструктурализма утверждают: «помимо оппозиционных отношений между знаками существует множество отношений *переходного типа*» [12, с. 81]. К таковым относятся, в частности, *рассудок – ум, влюблённость – любовь* и т. п. Кроме того, имеется большое количество различий, «которые в процессе взаимоотношения друг с другом ведут себя *хаотично*... вследствие чего принципиально невозможно выделить чётко организованную оппозицию» [12, с. 81].

Между тем из «хаоса» взаимоотношений парных элементов может возникнуть и весьма своеобразный «порядок» – способность «соединить *что угодно и с чем угодно*» [13, с. 321], но в рамках бинарной оппозиции. Это **дипластия**, «принцип объединения элементов, одновременно исключаящих друг друга» (*и – и, и то – и то*) [13, с. 329]. Вслед за А. Валлоном и Б.Ф. Поршневым, исследователями данного явления, Н.А. Ястребова отмечает, что суть дипластии как психологической операции мышления «состоит в том, что она в одно и то же время и двухэлементна, и нерасчленима на два элемента. Элементы одновременно и слиты, и обособленны... Генетически, по Валлону, пара элементов, их сцепление предшествует в сознании выделению одного отдельного элемента» [13, с. 316].

Действенность, продуктивность принципа дипластии особенно наглядно проявляется в области художественного творчества – как в микро-, так и в макро-структурах искусства. Н.А. Ястребова в качестве примера фонетической дипластии в поэзии приводит рифму [13]. На основе трудов А.Ф. Лосева о специфике символической образности [14] можно сделать вывод о том, что и символ основан на принципе дипластии. «...Для символа необходимо существование оппозиции, – пишет С.А. Радионова, – члены которой противоположны и только вместе составляют целое, и именно поэтому являющиеся символом друг друга» [12, с. 727]. Образы, созданные по принципу дипластии, встречаются в романах Ф.М. Достоевского: Дмитрий Карамазов в «Братьях Карамазовых», Хромоножка в «Бесах» и др.

Наверное, благодаря таким свойствам, как «неподчинённость формальной логике, богатство возможностей в формировании новых связей, одновременность противоречия и гармонии как способа смыслового выделения элементов» [13, с. 324], дипластия выполняет значимую, поисковую роль в переходных литературных явлениях (например, в предклассицизме, предромантизме и др.), подготавливающих новые направления в литературе и искусстве [15].

Подвижность, многообразие, неопределённость отношений в бинарных структурах условно представим как процесс: **дихотомия – переходность – хаотичность – дипластия**. Два крайних полюса этой цепочки могут иногда выступать вместе в художественной системе. В частности, в символизме идея двоемирия раскрывается через дихотомическую бинарную оппозицию, а символические образы, намекающие на связь двух миров, созданы на основе принципа дипластии.

Структурный инвариант «срединной культуры»

История развития литературы и искусства являет, с одной стороны, бесконечное разнообразие форм взаимосвязей между бинарными и тринитарными структурами, с другой – их относительное обособление и противостояние в отдельные периоды (особенно во «взрывные моменты» истории, как писал Ю.М. Лотман [4]). Для исследователей «срединной культуры» важнейшим остаётся вопрос о том, как происходит её формирование: является ли она результатом **перехода** (в смысле замены) от бинарной системы к тринитарной (новому типу целостности), или же представляет собой их постоянное, сложное взаимодействие, диалог-взаимопроникновение, **сосуществование** в пределах одного и того же исторического времени (и даже одного произведения)?

Не касаясь всех сторон этой сложнейшей проблемы, исследование которой требует объединённых усилий многих специалистов разного профиля, в настоящей статье рассмотрим лишь несколько вариантов диалога-взаимопроникновения, который представляется нам более продуктивным для функционирования «срединной культуры». В подобном диалоге одна из систем, бинарная или тринитарная, выполняет доминантную роль, а другая находится в потенциальном, «теновом» состоянии, но способна актуализироваться в ином историко-литературном контексте. Другими словами, структурный инвариант «срединной культуры» основан на *функциональной связи* бинарных и тринитарных систем в процессе их взаимодействия: изменению типа бинарной оппозиции и её конкретного

содержания соответствует поиск нового способа, пути преодоления противоречий через тринитарную структуру.

Сопоставим два стихотворных произведения с противоположными структурными доминантами: оду «Музыка, или Семитония» (Л.М.), написанную в 1792 г. Н.А. Львовым, поэтом второй половины XVIII в., творчество которого исследователи относят к предромантическому течению в русской литературе, и датированное 1839 г. стихотворение поэта-романтика Ф.И. Тютчева «День и ночь» (Т.Д.).

Ода «Музыка, или Семитония» Н.А. Львова – тринитарная система (но не «системная триада!»), типичная, на наш взгляд, для предромантизма. Бинарная оппозиция (противопоставление двух психологических типов людей – чувствительных и холодно-рассудочных) несколько размыта, но третий, гармонирующий, элемент триады (образ музыки) выражен ярко и доминирует в произведении:

Глагол таинственный небес!
Тебя лишь сердце разумеет;
Событию твоих чудес
Едва рассудок верить смеет.
Музыка властная! пролей
Твой бальзам сладкий и священный
На дни мои уединенны,
На пламенных моих друзей.

Как огонь, влечет, как гром, разит
Закон твоей всеильной власти;
Он чувства нежные родит,
Жестоки умягчает страсти.
Гармония! не глас ли твой
К добру счастливых убеждает,
Несчастных душу облегчает
Отрадной, теплою слезой?

Когда б подобить смертный мог
Невидимый и несравненный,
Спокойный сладостный восторг,
Чем души в горних упоены –
Он строй согласный звучных тел
И нежных гласов восклицанье
На душу, на сердца влиянье
Небесным чувством бы почел.

Не ты ль с небес к нам в век златой,
Богиня нежных душ, спустилась?
Принесшая волшебства строй,
Жизнь смертных услаждать склонилась?
Ударил в воздух голос твой
Размером хитрым, неизвестным,
И тем же трепетом небесным
Сердца отзывались на строй.

Как роза в вешни времена
Хранит красы свои бесценны,
Так часто счастья семена,
В сердцах любовью насаждены,
Скрывает живость юных лет.
Как солнцем роза расцветает,
Твой глас так сердце растворяет,
И огонь любви слезой блеснет.

Да будет мне неведом век,
Жестокий, строгий, злополучной,
Несчастный, хладный человек,
Противник власти стройной, звучной,
Утехи не познает он!
Не встретит друга с восхищеньем,
Сердечным не почтит биеньем
Ни счастья плеск, ни скорби стон.

О сладкогласно божество!
На крыльях радости взвивайся,
Греми победы торжество,
В разящих звуках раздавайся,
Сердца и души восхищай!
Но к нам свирелью ниспустися,
Умильной, нежною явися
И к счастью смертных увещай (Л.М.).

В стихотворении Ф.И. Тютчева «День и ночь» в диалоге бинарности и тринитарности доминирует бинарная структура (образы дня и ночи, символизирующие два различных состояния души). Третий, интегрирующий, элемент

лишь назван («высокая воля богов»), его потенциальное содержание раскрывается в контексте тютчевской поэзии в целом:

На мир таинственный духов, Над этой бездной безымянной, Покров наброшен златотканый Высокой волею богов. День – сей блистательный покров – День, земнородных оживленье, Души болящей исцеленье, Друг человек и богов!	Но меркнет день – настала ночь; Пришла – и, с мира рокового Ткань благодатную покрыва Сорвав, отбрасывает прочь... И бездна нам обнажена С своими страхами и мглами, И нет преград меж ей и нами – Вот отчего нам ночь страшна! (Т.Д.)
--	---

В оде Н.А. Львова противопоставление двух психологических типов людей, составляющее содержание логико-аксиологической оппозиции, лишено социальной конкретности, оно намечается лишь в этико-психологическом плане по различительному признаку – способность или неспособность воспринимать музыку (гармонию). К первому типу принадлежит прежде всего лирический герой оды с ярко выраженными чертами чувствительного, добродетельного персонажа писателей-сентименталистов. Он критически относится к своему времени, с ностальгией вспоминает «век золотой» как идеал простой, естественной жизни на ранних этапах развития цивилизации, мысленно погружается в «то» время, на музыку отзывается «отрадной, тёплой слезой». Под стать ему и его «пламенные друзья», в душах которых музыка также «чувства нежные родит». Контрастно изображён другой психологический тип человека, руководствующегося в жизни холодным рассудком, не способного чувствовать и воспринимать музыку (гармонию): *Да будет мне неведом век / Жестокий, строгий, злополучный, / Несчастный, хладный человек, / Противник власти стройной, звучной, / Утехи не познает он! / Не встретит друга с восхищеньем, / Сердечным не почитит биеньем / Ни счастья плеск, ни скорби стон* (Л.М.).

В дальнейшем, в процессе развития романтической поэзии, лирический герой резко противопоставляется «большинству», «среде», он «отчуждается» от общества, благодаря чему оказывается способным, по мнению поэтов-романтиков, сохранять подлинные человеческие качества. Бинарная оппозиция дихотомического типа становится доминирующей в их художественной системе.

В оде Н.А. Львова символический образ музыки как гармонизирующего, духовного начала мира раскрывается в свете эстетической категории прекрасного. Ключевое слово в его характеристике – «строй», то есть гармония, которую «лишь *сердце* разумеет» (скрытая полемика с классицистами). Этот интегрирующий элемент основан на принципе **дипластии**. В самом названии оды – «Музыка, или Семитония» – содержится не только указание на семь базовых звуков диатонической гаммы (основы музыки европейского типа, ставшей популярной в XVIII в. в русском обществе и, в частности, в львовском кружке), но и намёк на гармонию звёздного неба (семь планет)⁵. Музыка одновременно и «строй согласный звучных тел», и «нежных гласов восклицание». В одном

⁵ «Издавна число семь представляется, прежде всего, как выражение идеи Вселенной. Кроме того, числовая константа 7 до сегодняшнего дня является в литературе полноценной константой в описании мирового дерева и характеризует восприятие человека (семь дней недели, семь цветов спектра, семь тонов в музыке, семь основных запахов стереохимической теории) [16, с. 54–55].»

образе слиты гармония души («богиня нежных душ») и гармония космического мира («глагол таинственный небес»).

Заметим, что в романтической поэзии «музыка сфер» становится символом недостижимого идеала, дипластическая основа образа постепенно ослабевает. Вспомним у М.Ю. Лермонтова: *Тихо плавают в тумане / Хоры стройные светил...* («Демон») (Л.Д.); у А.А. Фета: *...Я слушал таинственный хор [светил]* («Я долго стоял неподвижно...») (Ф.Я.) и др.

В характеристике музыки-гармонии проступают отдельные признаки романтического восприятия. Музыка и успокаивает («бальзам сладкий и священный»), и пугает лирического героя своей таинственной властной силой («Ударил в воздух голос твой, / Размером хитрым, неизвестным...»), и будто предвещает появление нового типа героя, способного почувствовать и воспринять творческую, созидательную силу воздействия музыки: *О сладкогласно божество! / На крыльях радости взвивайся, / Греми победы торжество, / В разящих звуках раздавайся, / Сердца и души восхищай!* (Л.М.).

В намечившейся тринитарной структуре оды Н.А. Львова «Музыка, или Семитония» ценностная, суггестивно-выразительная функция основного образа акцентируется благодаря богатству и динамизму эмоционально-смысловых оттенков, которые будто обволакивают его дипластическую основу и создают почву для последующих трансформаций диалога бинарного и тринитарного мышления.

В стихотворении Ф.И. Тютчева «День и ночь» бинарная оппозиция дихотомического типа выражена чётко. Она основана на раскрытии противоречий в духовной жизни человека, которая в большей степени, чем у Н.А. Львова, абстрагирована от социальной действительности. Два различных состояния души символизируют образы дня и ночи. День – это прежде всего «души болящей исцеленье», успокоение, благодать для всех, оживление, ясность. Кроме того, день – это ещё и красота, гармония (вспомним эпитеты: «блистательный», «златотканый»). Ночь воплощает хаос чувств, непонятные, глубинные, бессознательные процессы психики («мгла»), ощущение растворённости души в космической бездне, ощущение, рождающее страх.

Два ключевых слова «покров» и «бездна», относящиеся к образам дня и ночи, а также к образу «мира рокового», углубляют содержание стихотворения в философском плане. Столкновение «дня» и «ночи» в душе человека – это своеобразное соотношение прекрасного и возвышенного. День всего-навсего лишь «покров», хоть и «блистательный», то есть нечто конкретное, ограниченное, временное. Ночь даёт ощущение космической бездны (чего-то беспредельного), это сфера возвышенного. Главное в характеристике бездны – её безымянность, то есть она предстаёт как непознанная сущность, ведь для романтиков познать сущность чего-то – дать имя, означить.

Образы дня и ночи включены в циклический хронотоп, символизирующий постоянную смену одного состояния другим, противоположным, – хронотоп вечности. Однако в интонационно-смысловом фокусе находится описание мгновения перехода дня в ночь и пауза (выражена многоточием) в середине второй строфы, оканчивающаяся словами: *И бездна нам обнажена / С своими страхами и мглами, / И нет преград меж ей и нами...* (Т.Д.). Здесь происходит

соприкосновение хронотопа вечности и мгновения человеческого переживания. Это момент озарения, интуитивного познания истины. Человек остаётся один на один с космосом и собственной душой. Возникает чувство сладкого ужаса, восторга и страха. Так показывает Ф.И. Тютчев приобщение человека к беспредельному.

Третий элемент в художественной системе тютчевского стихотворения, который, по выражению Р.Г. Баранцева, «задаёт меру совместности» [1, с. 21] противоположных образов бинарной оппозиции, – «высокая воля богов», создавшая «мир роковой» и набросившая «покров златотканый» на космическую бездну. Этот компонент содержит в себе загадку. Образ дня характеризуется как «друг человеков и богов». Возникает вопрос: почему именно день – друг *богов*? Может быть, день – символический образ (тьнь) ускользающей красоты и гармонии, лежащих в основе всего космического мира? Можно предположить, что это потенциальное, «теневое» содержание образа актуализируется в творчестве поэтов-символистов.

Многообразие вариантов взаимодействия бинарных и тринитарных систем в рамках одного произведения наблюдается и в эпических, и в драматических жанрах. Следует сказать, что в русской реалистической литературе второй половины XIX в. складывается своеобразная тринитарная художественная система, в которой чётко выражены все элементы, но бинарная оппозиция создаётся в реалистическом плане (как отражение существенных социальных противоречий в жизни русского общества), а примиряющий, интегрирующий элемент – в романтическом ключе (как ценностные представления общечеловеческого универсального характера, идеалы вечные, выходящие, по мнению авторов, за пределы их исторической эпохи [17]). Так, например, в **романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»** (1862) уже в самом названии задана бинарная оппозиция (на основе принципа дихотомии). Её содержание раскрывается как конфликт исторических поколений, противостояние разных типов общественных деятелей. Идеологические споры, дуэль Евгения Базарова и Павла Кирсанова выражают напряжённость идеологической борьбы в русском обществе 1850–1860-х годов. Контраст психологических характеристик представителей «отцов» и «детей» обнажается и в ситуации дуэли. Сравнительно-сопоставительная характеристика героев также дана на переплетении бинарных оппозиций, которые относятся к переходному типу: *Николай – Павел Кирсановы, Базаров – Аркадий, Базаров – Ситников, Кукушина* и др.

На фоне основной бинарной оппозиции И.С. Тургеневым показаны противоречия личностного, духовного плана. Доминанта внутреннего, психологического конфликта героев – извечно присущее человеку стремление к постижению таинственно-прекрасного, как инстинкт полёта у журавлиной стаи, – осмысливается писателем в трагической противопоставленности «безличной», «равнодушной» природе (история любви Базарова к Одинцовой, Павла Петровича Кирсанова к княгине Р; в социально-историческом плане это выражение глубокой неудовлетворённости жизнью, испытываемой определённой частью дворянской интеллигенции). Однако человек стремится противопоставить хаосу стихийных чувств, слепых инстинктов волю мысли, силу разума. Тургенев показывает это на примере образа Базарова.

Третий, интегрирующий элемент триады функционирует в произведении И.С. Тургенева в романтическом аспекте, являясь выражением философско-эстетического восприятия жизни. Писателя привлекают общечеловеческие темы жизни, смерти, любви, конфликт человека с «равнодушной» природой, область таинственного и непознанного. Примиряющий элемент проникает **во все сферы художественной системы**, создаёт особую, лирическую атмосферу романа, пронизанную контрастными интонациями, фокусируется в завершающем лирическом монологе автора (после описания сельского кладбища и стариков Базаровых у могилы сына): *Неужели их молитвы, их слёзы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...* (Т.О.).

Здесь вопросы приобретают трагическое звучание, они тесно связаны с философским содержанием высказывания: в чём смысл жизни человека, если она так коротка по сравнению с бесконечной жизнью природы и если последняя так «равнодушна» даже к самым ярким личностям? Вновь звучит интонация Базарова: мы слышим его несогласие, досаду в заключённом в кавычки слове «равнодушной» (природы). Резкий контраст пессимистической и жизнеутверждающей интонаций «продлевается» в последней функциональной паузе, выраженной многоточием, – молчании, заполненном невысказанными мыслями автора. В символическом значении образа цветов, растущих на могиле Базарова, выражена идея «вечного примирения».

Как видим, в финале тургеневского романа объединяются все противоположения философских раздумий автора. Финал также построен на бинарной оппозиции (и в области стиля): на различии функций ритмико-интонационной структуры и символических образов. Поэтому и обратные связи, идущие от финала ко всем предшествующим ситуациям, событиям, образам, различны по своему смыслу и воздействию на читателя. С одной стороны, они заставляют осознать личную ответственность за свою судьбу и судьбу отечества, вызывают чувство гордости за человека базаровского типа, не желающего смириться с «несправедливостью» «равнодушной» природы; но с другой стороны, направляют внимание читателя на объективные законы действительности, созерцание и познание которых принесёт, по мнению писателя, чувство успокоения и примирения.

Приведём ещё один пример из области изобразительного искусства. Он интересен тем, что воплощает вариант системной триады, объединяющей три равноправных элемента, каждый из которых в сочетании с другим составляет бинарную оппозицию. Это картина современного татарского художника **Ленара Ахметова**, чьё творчество развивается в русле этнокультурной проблематики группы «Тамга», представляющей искусство татавангарда. Картина называется «**Удмуртский лес**» (2011), создана она под впечатлением встреч и творческого сотрудничества с художниками-этнофутуристами из Удмуртии.

Л. Ахметов. Удмуртский лес. 2011. Маркер, акрил. 75×75

«Удмуртский лес» – образец минималистического искусства. Это абстрактное изображение сущности творчества удмуртских этнофутуристов. Содержание картины сконцентрировано в трёх символических образах, созданных на основе цветовых контрастов чёрного, синего, белого. Первый образ – символ космоса, космической энергии. Он выражается в чёрном фоне картины. Второй образ – лес, который символизирует землю. Условно изображены деревья, будто парящие во тьме космоса; чёткие белые линии обрисовывают контуры стволов и ветвей. Сами стволы чёрного цвета, но внутри них (как «душа» дерева) протягиваются вверх яркие синие полосы, словно излучающие жизненную энергию⁶. Третий элемент триады – образ, символизирующий духовную энергию, мироощущение удмуртского народа, – выражен в белом цвете: это замысловатое переплетение, движение белых узоров ветвей, что воспринимается как бесчисленное количество воршудов⁷. Этнофутуристы считают, что через интуитивное постижение воршудов можно приобщиться к мироощущению финно-угорских народов, понять их этнические корни. А для этого необходима настройка души («ловля силы») с высшими энергиями – космоса и земли [19, с. 2, 16]. Белый цвет связан с мотивом духовной энергетике, которая, по мнению художников-авангардистов, составляет глубинное качество внутри мирового

⁶ Как отмечают исследователи, лес в жизни удмуртов имеет большое значение, с ним связано проведение многих бытовых и религиозных обрядов [18].

⁷ Воршуд (от удм. *вордыны* 'родить, растить' + *шуд* 'счастье') – в удмуртской мифологии антропоморфный дух-покровитель рода, семьи (http://www.endic.ru/enc_myth/Vorshud-1169.html).

пространства [20, с. 33]. Белый цвет динамичных графических линий и узоров является способом выражения третьего, интегрирующего элемента в данной системной триаде.

Вместо заключения

Итак, в статье был рассмотрен один из возможных методологических подходов к исследованию «срединной культуры», а именно осуществлён поиск её **структурного инварианта**. Этот поиск ведётся в контексте современных философских и общенаучных исследований, посвящённых проблеме взаимодействия бинарного и тринитарного мышления, актуальность которой возрастает в современную эпоху глобализации с её вызовами и угрозами. Определение структурного инварианта поможет решить многие проблемы «срединной культуры», например:

– распознавать приметы «срединной культуры» в самых разных явлениях литературы и искусства;

– условно отграничить сферу «срединной культуры» в системе культуры в целом (наметить динамичные, подвижные границы, отделяющие её и от элитарной и массовой культуры, исследовать процессы наиболее активного и плодотворного взаимодействия «высокого» стиля и народной культуры и т. д.);

– на основе примеров варьирования, трансформаций структурного инварианта проследить преемственность художественных традиций, актуализацию творческого потенциала, заложенного в предшествующих художественных направлениях, на новых исторических этапах развития «срединной культуры»;

– учитывая, что «срединная культура» формируется в разных подсистемах культуры, выявить в них изоморфные, эквивалентные процессы её функционирования, результатом которых является достижение целостности и стабильности духовной жизни общества.

Поиск продолжается...

Источники

Л.М. – *Львов Н.А.* Музыка, или Семитония. – URL: <http://libverse.ru/lvov/myzuka-ili-semitonija.html>, свободный.

Т.Д. – *Тютчев Ф.И.* День и ночь. – URL: <http://libverse.ru/tiutchev/den-i-noch.html>, свободный.

Л.Д. – *Лермонтов М.Ю.* Демон. – URL: http://lermontov.info/text/demon_p.shtml, свободный.

Ф.Я. – *Фет А.А.* Я долго стоял неподвижно... – URL: <http://libverse.ru/fet/ya-dolgo-stoyal-perodvizhno.html>, свободный.

Т.О. – *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1954. – Т. 3. – 411 с.

Литература

1. *Баранцев Р.Г.* Становление тринитарного мышления. – М.; Ижевск: Регуляр. и хаотич. динамика, 2005. – 123 с.
2. *Нигматуллина Ю.Г.* Культура как примиритель // Между дисгармонией и гармонией: проблемы «срединной культуры». – Казань: Фэн, 2013. – С. 5–35.

3. Раушенбах Б.В. О логике триединности // *Вопр. философии*. – 1990. – № 11. – С. 166–169.
4. Лотман Ю.М. *Культура и взрыв*. – М.: Прогресс: Гнозис, 1992. – 271 с.
5. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // *Тр. по рус. и славян. филологии*. – Тарту, 1977. – Т. 28: Литературоведение. К 50-летию проф. Б.Ф. Егорова. – С. 3–36.
6. Бердяев Н.А. *Смысл творчества*. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. – 679 с.
7. Ерасов Б.С. *Цивилизации. Универсалии и самобытность*. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
8. Давыдов А.П. *Становление «срединной культуры» в России (на материале русской литературы первой половины XIX в.)*: Дис. ... д-ра культурол. наук. – М., 2002. – 561 с.
9. Кузнецов Б.Г. *Современная наука и философия: пути фундаментальных исследований и перспективы философии*. – М.: Политиздат, 1981. – 184 с.
10. Владимиров Ю.С. *Метафизика*. – М.: Бином, Лаб. знаний, 2002. – 534 с.
11. Меськов В.С. *Методология тринитарности* // *Вопр. философии*. – 2013. – № 11. – С. 66–76.
12. *Постмодернизм: Энцикл.* / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Кн. дом, 2001. – 1038 с.
13. Ястребова Н.А. *Дипластия и эстетическое сознание* // *Актуальные вопросы методологии современного искусствознания*. – М.: Наука, 1983. – С. 316–333.
14. Лосев А.Ф. *Проблема символа и реалистическое искусство*. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
15. Нигматуллина Ю.Г., Паикуров А.Н., Буранок О.М. *Поиск инвариантов преобразований в русской литературе XVIII века: предклассицизм и предромантизм* // *Знание. Понимание. Умение*. – 2016. – № 3. – С. 262–272.
16. Федорцева В.Н., Челнокова А.А. *Символика чисел в произведениях немецкого романтизма* // *Предромантизм и романтизм в мировой культуре: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию проф. И.В. Вершинина*: в 2 т. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. – Т. 1. – С. 50–56.
17. *Русская литература последней трети XIX века (Некоторые аспекты системно-комплексного анализа литературного процесса)* / Науч. ред. Ю.Г. Нигматуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 192 с.
18. *Удмуртская республика: Энцикл. справ.* – Ижевск: Удмуртия, 2011. – 152 с.
19. *Творческая группа «Эмноюмно»*. – Ижевск: Инкар, 2013. – 43 с.
20. Нигматуллина Ю.Г. *«Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве*. – Казань: Фэн, 2002. – 175 с.

Поступила в редакцию
19.12.16

Нигматуллина Юлдуз Галимжановна, доктор филологических наук, заслуженный профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: nigmatullina.yulduz@mail.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 1, pp. 26–42

**“Median Culture”:
The Dialogue of Binary and Trinitarian System of Thought**

Y.G. Nigmatullina

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: nigmatullina.yulduz@mail.ru

Received December 19, 2016

Abstract

This paper considers one of the possible methodological approaches to the analysis of “median culture” – the search for its structural invariant.

The search is performed in the context of contemporary philosophical studies of culture development patterns in the aspect of interaction between binary and trinitarian system of thought. The increased interest in this aspect during the late 20th – early 21st century is explained by a number of facts: it is the response of culture to the fundamental changes that occurred in Russia during the collapse of the Soviet Union, moreover, in broader meaning, the realization of the catastrophic consequences of the confrontation of nations and states during the age of globalization; it is the tendencies toward philosophical understanding of contemporary science, the desire to combine different conceptions of world view through “the unified theory of interaction” (Yu.S. Vladimirov).

Certain ideas of the works considered by us become a starting point for our concept as well:

1. The binary system of thought (which is based on the opposition of paired elements) and trinitarian one (which conceives the interrelation of three quantities, one of which can play the role of an integrating factor) should not be strongly opposed to each other. The notion of productivity of the trinitarian system of thought does not imply the negation of binary systems in sci-tech, social, and cultural fields. It is necessary to consider different options for their interaction.

2. During the analysis of the topic it is necessary to combine the “substantial” and “procedural” approaches. The “substantial” approach (system-component analysis) involves the determination of initial components of the system and their properties; when the “procedural” approach is used, the subject of analysis is transformations of the dialogue of binary and trinitarian systems in the process of historical development of science and intellectual culture of society.

Our point of view on the issue under consideration is the following one. The history of literature and art development produces an infinite variety of interrelation forms between binary and trinitarian systems and their relative separation and confrontation in certain periods. “Median culture” functions in the social and cultural process as a reconciling integrative spiritual factor which contributes to the achievement of social cohesion and stability of civilized development. It is important for the researches of “median culture” to determine its structural invariant in the aspect of interaction between binary and trinitarian system of thought, i.e., the type of dialogue which corresponds to the key tendencies of its development. For the functioning of “median culture”, the interpenetration dialogue seems the most productive one, i.e., the incorporation of both systems within a single phenomenon (even within a single work). Thus, one of them, either binary or trinitarian, plays a dominant role while the other one remains in a potential state but is capable of becoming actual in a different historical and literary context. In other words, the structural invariant of “median culture” is based on the functional connection of binary and trinitarian systems in the process of their interaction: the alteration of the type of binary opposition and its specific content corresponds to the search for a new way of “overcoming” the contradictions by means of the trinitarian structure.

In order to make the variants of the binary and trinitarian systems dialogue well-defined, the examples of classifications of binary oppositions and triad are given in this paper. They are presented from more “rigid”, classical variants to the “transitional”, indefinite ones:

– binary oppositions: by the principle of dichotomy (either – or), it is transitional, chaotic cohesions, binary oppositions by the principle of diplastia (and – and, this and this);
 – trinitarian systems (triads): linear, transitional (by the Hegelian concept of Sublation), system triads (the synthesis of three equal elements, one of which performs an integrative role, “sets the measure of compatibility” (R.G. Barantsev)).

Considering the scope of the paper, we have given only four examples (four variants) of interaction between the binary and trinitarian principles within the literary work: in the ode “Music or Seven Tones” (1792) by the poet of the XVIII century N.A. L’vov, in the poem “Day and Night” (1839) by the poet of Romanticism F.I. Tyutchev, in the realistic novel “Fathers and Sons” (1862) by I.S. Turgenev and in the picture of contemporary Tatar avant-garde artist L. Akhmetov “Udmurt Forest” (2011).

The determination of structural invariant may become the basis for the solution of many aspects of “median culture”. For example, it may help to identify the signs of “median culture” in various phenomena of literature and art; conventionally designate the field of “median culture” in the culture system as a whole, trace the continuity of artistic traditions at different stages of “median culture” development.

Keywords: “median culture”, binary and trinitarian systems, dichotomy, diplastia, systemic triad

References

1. Barantsev R.G. Establishment of Trinitarian Thinking. Moscow, Regul. Khaotich. Din., 2005. 123 p. (In Russian)
2. Nigmatullina Yu.G. Between Disharmony and Harmony: Problems of “Median Culture”. *Kul'tura kak primiritel'* [Culture as a Reconciler]. Kazan, Fen, 2013, pp. 5–35. (In Russian)
3. Raushenbakh B.V. On the logic of the trinity. *Voprosy Filosofii*, 1990, no. 11, pp. 166–169. (In Russian)
4. Lotman Yu.M. Culture and Outburst. Moscow, Progress, Gnosis, 1992. 271 p. (In Russian)
5. Lotman Yu.M., Uspenskii B.A. Materials on Russian and Slavic of Philology. Vol. 28: Literature Studies. On the 50th Anniversary of B.F. Egorov. *Rol' dual'nykh modelei v dinamike russkoi kul'tury (do kontsa XVIII veka)* [The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (Until the End of the 18 Century)]. Tartu, 1977. pp. 3–36. (In Russian)
6. Berdyaev N.A. Sense of Creativity. Kharkiv, Folio, 2002. 679 p. (In Russian)
7. Erasov B.S. Civilizations. Universals and Authenticity. Moscow, Nauka, 2002. 524 p. (In Russian)
8. Davydov A.P. Development of the “median” culture” in Russia (based on the material of the Russian literature of the first half of the 19th century). *Doct. Cult. Sci. Diss.* Moscow, 2002. 561 p. (In Russian)
9. Kuznetsov B.G. Modern Science and Philosophy: Ways of Fundamental Studies and Prospects of Philosophy. Moscow, Politizdat, 1981. 184 p. (In Russian)
10. Vladimirov Yu.S. Metaphysics. Moscow, Binom, Lab. Znani, 2002. 534 p. (In Russian)
11. Mes'kov V.S. Methodology of the trinity. *Voprosy Filosofii*, 2013, no. 11, pp. 66–76. (In Russian)
12. Postmodernism. Encyclopedia. Gritsanov A.A., Mozheiko M.A. (Eds.). Minsk, Interpresservis, 2001. 1038 p. (In Russian)
13. Yastrebova N.A. Urgent Problems of Methodology in Modern Art Studies. *Diplastiya i esteticheskoe soznanie* [Diplasty and Aesthetic Consciousness]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 316–333. (In Russian)
14. Losev A.F. Problem of Symbol and Realistic Art. Moscow, Iskusstvo, 1995. 320 p. (In Russian)
15. Nigmatullina Yu.G., Pashkurov A.N., Buranok O.M. Searching for transformation invariants in the Russian literature of the 18th century: Pre-Classicism and Pre-Romanticism. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2016, no. 3, pp. 262–272. (In Russian)
16. Fedortseva V.N., Chelnokova A.A. Symbolism of numbers in works of the German Romanticism. *Predromantizm i romantizm v mirovoi kul'ture: Materialy nauch. konf., posvyashch. 60-letiyu prof. I.V. Vershinina: v 2 t.* [Pre-Romanticism and Romanticism in the World's Culture: Proc. Sci. Conf. on the 60th Birth Anniversary of I.V. Vershinin: 2 vols.]. Vol. 1. Samara, Izd. Samar. Gos. Pedagog. Univ., 2008, pp. 50–56. (In Russian)
17. Russian Literature of the Last Third of the 19th Century (Some Aspects of System-Complex Analysis of Literary Process). Nigmatullina Yu.G. (Ed.). Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1980. 192 p. (In Russian)

18. Udmurt Republic: Encyclopedic Handbook. Izhevsk, Udmurtiya, 2011. 152 p. (In Russian)
 19. The Creative Group of Emnoyumna. Izhevsk, Inkar, 2013. 43 p. (In Russian)
 20. Nigmatullina Yu.G. "Delayed Modernism" in the Tatar Literature and Fine Arts. Kazan, Fen, 2002. 175 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Нигматуллина Ю.Г. «Срединная культура»: диалог бинарного и тринитарного мышления // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 1. – С. 26–42. ⟩

⟨ **For citation:** Nigmatullina Y.G. "Median culture": The dialogue of binary and trinitarian system of thought. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 1, pp. 26–42. (In Russian) ⟩